

Альбер

Альбер — молодой рыцарь, сын скупого барона, герой трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», стилизованной под перевод из несуществующего сочинения Ченстона (Шенстона). В центре сюжета — конфликт двух героев, отца (Барона) и сына (Альбера). Оба принадлежат к французскому рыцарству, но к разным эпохам его истории. Альбер молод и честлюбив; для него представление о рыцарстве неотделимо от турниров, куртуазности, демонстративной храбрости и столь же показной расточительности. Феодальная скупость отца, возведенная в принцип, не просто обрекает сына на горькую бедность, но попросту лишает его возможности быть рыцарем в «современном» смысле слова. То есть благородным богачом, презирающим собственное богатство.

Трагедия начинается разговором между Альбером и слугой Иваном; Альбер обсуждает печальные последствия турнира (шлем пробит, конь Эмир хромает; причина одержанной героической победы — скупость, гнев из-за поврежденного шлема; так что название — «Скупой рыцарь» — относится в полной мере и к Барону, и к Альберу). Трагедия продолжается сценой унижения Альбера перед жидом Соломоном (которого рыцарь презирает и вообще-то не прочь повесить). Рыцарское слово — ничто для ростовщика, прозрачно намекающего наследнику на возможность «ускорить долгожданный миг получения наследства. Альбер взбешен низостью Соломона, но тут же следует сцена во дворце Герцога. Вняв жалобам Альбера, Герцог пытается увещевать скупого отца; Барон оговаривает сына («...он меня / Хотел убить <...> / покушался он / Меня <...> обокрасть»); сын обвиняет отца во лжи — и получает вызов на дуэль. Тут Пушкин испытывает своего героя: Альбер не просто принимает вызов Барона (то есть демонстрирует, что готов убить отца); он поднимает перчатку поспешно, пока отец не передумал и не лишил сына возможности принять «соломоново решение».

Да, для «нового» рыцарства, в отличие от «старого», деньги важны не сами по себе, не как мистический источник тайной власти над миром; для него это лишь средство, цена «рыцарской» жизни. Но чтобы уплатить эту цену, достичь этой цели, Альбер, исповедующий «благородную» философию, готов следовать низменным советам «презренного» ростовщика. Пока — действуя как бы по-рыцарски, не соглашаясь на тайное, подлое отцеубийство, но уже не брезгуя отцеубийством явным, позволяющим сохранить видимость благородства, (Поединок остановлен лишь волей Герцога.) Вопрос о том, удержался бы Альбер от следующего шага, не прибег бы к средству, предложенному Соломоном, если бы не внезапная «естественная» смерть отца в финале, остается открытым.

Все трактовки образа Альбера (и Барона) сводятся к двум «вариантам». Согласно первому, виноват дух времени («Ужасный век, ужасные сердца!» — слова Герцога); за каждым из героев — своя правда, правда социального принципа — нового и устаревшего. Согласно второму, виноваты оба героя; сюжет сталкивает две равновеликие неправды — Барона и Альбера; у каждого из них своя идефикс, поглощающая внесловную правду человечности. Последняя точка зрения предпочтительней; хотя у Пушкина человечность не противопоставлена так жестко идее сословной дворянской справедливости. Герцог, олицетворяющий эту идею, изнутри рыцарской этики оценивает поведение героев, называя старшего — «безумцем», а младшего — «извергом». И такая оценка не противоречит собственно пушкинской.